

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2026.83.45.011

Массовая инкарцерация как политический процесс в англо-американской правовой традиции

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

В работе осуществляется анализ феномена массового применения наказания в виде лишения свободы как институционально оформленной политической технологии, а не криминологической неизбежности. Массовая инкарцерация, рассматривается не как случайное следствие роста преступности, а как целенаправленный политический феномен, формируемый и поддерживаемый комплексом правовых, институциональных и идеологических факторов. Исходный посыл исследования заключается в необходимости смещения фокуса с теорий индивидуальной девиации на определенные правовые и организационные механизмы, трансформирующие социальное неравенство в юридически узаконенную сегрегацию. Рассматриваются ключевые факторы массовой изоляции в англо-американской правовой традиции: практика обязательных минимальных наказаний, система досудебных залогов и отказ от альтернативных мер пресечения, законы «трех нарушений», приватизация пенитенциарных учреждений и электоральная риторика «жесткой руки». Демонстрируется, что формально нейтральные законодательные решения на практике производят глубокое социальное расслоение, где критерием помещения под стражу выступает не общественная опасность, а наличие финансовых ресурсов. Особое внимание уделяется феномену досудебного содержания как первичного фильтра, фактически наказывающего лицо до признания его виновным, а также сравнительному анализу политики «жесткой руки» в США и Латинской Америке. Основной вывод исследования: наиболее эффективным способом сокращения масштабов изоляции является не реформирование пенитенциарной системы, а пересмотр правил, по которым государство наделяет себя правом лишать свободы за ненасильственные деяния, неплатежеспособность или принадлежность к экономически уязвимым группам.

Для цитирования в научных исследованиях

Слабкая Д.Н. Массовая инкарцерация как политический процесс в англо-американской правовой традиции // Теории и проблемы политических исследований. 2026. Том 15. № 3А. С. 53-61. DOI: 10.34670/AR.2026.83.45.011

Ключевые слова

Массовое инкарцерация, места лишения свободы, пенитенциарная система, заключенный, политическая экономия наказания, обязательные минимальные наказания, досудебное содержание, денежный залог, криминализация бедности, приватизация пенитенциарных учреждений, соглашение о признании вины.

Введение

В англо-американской правовой традиции, особенно после объявленной администрацией Р. Рейгана «войны с наркотиками», законодательные органы сознательно ограничили свободу судебного усмотрения. Формальным обоснованием таких решений выступала необходимость устранить дискриминацию в приговорах и гарантировать единообразие правосудия. Однако эффект оказался противоположным: обязательные минимумы привели к существенному росту численности заключенных за счет рядовых наркопреступников, тогда как организаторы преступных сетей, имея возможность заключать соглашения со следствием, получали значительно меньшие сроки. Как демонстрирует Мишель Александр (правозащитница и профессор юридического колледжа Университета штата Огайо) в бестселлер «Новый Джим Кроу: массовое заключение в эру цветовой слепоты», данные политические решения, будучи нейтральными по юридической форме, обладают специфичным эффектом применения. Политическая среда, стремясь ответить на электоральный запрос «жесткой руки», легитимизировала практику, при которой за ненасильственные действия, например хранение малых доз кокаина, следуют сроки изоляции, сопоставимые с наказаниями за тяжкие преступления против личности [Cochran, Mears, 2013]. Таким образом, решение политической среды реализуется в принятии формально-равных законодательных норм, производящих на практике глубокое социальное расслоение. Массовое лишение свободы функционирует как латентная социальная политика: принимая решение о криминализации, государство одновременно принимает «нулевое решение» о деинвестировании в социальную инфраструктуру – школы, рабочие места, программы лечения зависимостей. Следовательно, изучение массовой изоляции требует смещения фокуса с индивидуальной девиации на модель управления, а именно на анализ того, как конкретные законодательные акты трансформируют социальное неравенство в юридически санкционированную сегрегацию [Hall, Wooten, Lundgren, 2016].

Основная часть

Массовая инкарцерация представляет собой феномен, характеризующийся не просто высоким уровнем заключенных, но и систематическим использованием уголовного наказания как средства управления обществом. Англо-американская правовая традиция, основанная на прецедентном праве и принципах состязательности, создала уникальные условия для экспансии карательной системы. В США, начиная с 1970-х годов, наблюдался беспрецедентный рост числа заключенных, что было обусловлено комплексом политических решений.

В рамках уточненного понимания политической среды ключевым аспектом выступает механизм трансформации общественных настроений в институциональные решения через посредство идеологемы «жесткой руки». Данный процесс не является спонтанной реакцией на статистику преступности, а представляет собой технологию политической мобилизации, где страх перед девиацией легитимирует отказ от дискреционных полномочий судебной системы [Ghazanfari et al., 2023]. Решение политической среды здесь материализуется в законодательном закреплении обязательных минимумов наказания, что одновременно выполняет две функции: демонстрацию решимости государства и перераспределение бюджетных приоритетов в пользу пенитенциарного комплекса. Лоббистские группы, к которым относятся профсоюзы сотрудников мест изоляции и частные корпорации, управляющие пенитенциарными

учреждениями активно участвуют в воспроизводстве идеологии «жесткой руки», финансируя избирательные кампании кандидатов, обещающих дальнейшую криминализацию маргинального поведения [Kirk, Fernandes, Friedman, 2020]. Таким образом, решение об ужесточении наказания за ненасильственные преступления представляет собой акт, в котором идеологическая установка, экономический интерес заинтересованных групп и электоральный спрос на безопасность конвертируются в нормативный акт, чьи социальные издержки – разрушение семейных связей, утрата трудовых навыков, криминализация бедности не рассматриваются как последствия таких решений.

Для систематизации механизмов формирования массового применения наказания в виде лишения свободы наиболее показательным представляется ужесточение условий досудебного содержания. В отличие от более публично обсуждаемых феноменов – обязательных минимальных наказаний или приватизации пенитенциарных учреждений – данный механизм до недавнего времени оставался в тени академического дискурса. Однако именно он выполняет функцию первичного фильтра, посредством которого политическая среда селекционирует контингент будущих заключенных еще до вынесения судебного вердикта. В основе механизма лежат две взаимосвязанные практики: установление высоких денежных залогов и систематический отказ от альтернативных мер пресечения, не связанных с изоляцией [Kirk, Fernandes, Friedman, 2020]. Первая практика создает финансовый барьер, вторая – блокирует пути его обхода. Досудебное содержание перестает быть исключительной мерой, применяемой лишь при доказанном риске побега или уничтожении улик, и превращается в рутинную процедуру, фактически наказывающую лицо за бедность [Булыгин, 2020]. Если обязательные минимумы определяют длительность изоляции уже осужденного, то система залогов решает, будет ли человек изолирован до признания его виновным. Досудебный этап выступает не как техническая стадия уголовного процесса, а как самостоятельный механизм социальной селекции, где критерием отбора служит не опасность обвиняемого, а наличие финансовых ресурсов [Orrick, Vieraitis, 2015].

Политические решения, формирующие данный механизм, имеют кумулятивный характер. Первичным решением выступает законодательное закрепление практики установления залоговых сумм на уровне, заведомо недоступном для лиц с низким доходом. В большинстве юрисдикций, особенно в США, суды используют стандартизированные залоговые сетки, где каждому обвинению соответствует фиксированная сумма. Вторичным решением выступает институционализация системы коммерческого поручительства, где частные агентства взимают невозвращаемый сбор в размере десяти процентов от суммы залога, превращая свободу обвиняемого в товар. Третьим решением является последовательный отказ законодателя от расширенного использования альтернативных мер – электронного мониторинга, регулярной явки в правоохранительные органы, запрета на покидание жилья [Dollar, Campbell, Labrecque, 2024]. Эти меры, хотя и сопряжены с административными издержками, на порядок дешевле содержания в следственном изоляторе и не предполагают презумпции опасности обвиняемого. Лицо, помещенное под стражу на этапе досудебного производства, немедленно утрачивает трудовые связи, поскольку работодатель прекращает отношения при длительном отсутствии сотрудника. Арендодатели расторгают договоры найма жилья, что ведет к утрате жилья. В наиболее уязвимом положении оказываются лица, имевшие на иждивении несовершеннолетних детей или престарелых родственников: их изоляция влечет вторичную виктимизацию зависимых членов семьи. Эмпирические исследования демонстрируют устойчивую корреляцию между нахождением под стражей до суда и вероятностью обвинительного приговора, а также

длительностью наказания. Данный феномен объясняется ограниченной возможностью обвиняемого участвовать в подготовке защиты, психологическим давлением с целью заключения соглашения о признании вины [Dollar, Campbell, Labrecque, 2024].

Политическая среда воспроизводит данный механизм в силу устойчивых стимулов. Для исполнительной власти высокая доля досудебных «изолированных лиц» создает иллюзию эффективной борьбы с преступностью. Для пенитенциарно-промышленного комплекса США рост численности досудебного контингента означает стабильное заполнение следственных изоляторов, генерируя гарантированный государственный контракт. Для судебной системы практика высоких залогов упрощает управление, поощряя признание вины как наиболее быстрый способ выхода из изоляции. Альтернативные подходы, такие как внедрение системы оценки риска побега с использованием валидированных инструментов, отказ от денежного залога в пользу личного поручительства или нефинансовых обязательств, а также создание специализированных судов для ускоренного рассмотрения дел о мелких правонарушениях, остаются периферийными именно потому, что подрывают логику политической экономии массовой изоляции [Law-Smith, 2025].

В рамках механизма обязательных минимумов и законов «трех нарушений» ключевым аспектом выступает принципиальное устранение судебного усмотрения как институционального барьера на пути массовой инкарцерции. Политическое решение о введении фиксированных сроков за ненасильственные преступления конструирует правовую норму, в которой обстоятельства дела, личность обвиняемого и его потенциал к ресоциализации объявляются юридически несущественными. Судебная система превращается в «конвейер», где приговор исчисляется по арифметической формуле. Наиболее репрезентативным примером служат законы «трех нарушений», при которых третье преступление, даже мелкая кража или хранение минимального количества наркотиков, автоматически влечет пожизненную изоляцию [Dollar, Campbell, Labrecque, 2024; Смирнов, Новиков, 2025]. Данное решение порождает феномен непропорциональной суровости: наказание перестает соответствовать тяжести деяния, что вступает в противоречие с принципом справедливости. Политическая среда легитимирует этот разрыв через риторику «нулевой терпимости», жертвуя индивидуализированным правосудием ради упрощения процедуры вынесения приговоров. Криминологические исследования демонстрируют, что обязательные минимумы не обладают превентивным эффектом, превосходящим наказания, назначаемые по усмотрению суда, однако политическая выгода от демонстрации «жесткой руки» систематически перевешивает эмпирически подтвержденную неэффективность данного механизма [Ghazanfari et al., 2023].

В рамках механизма приватизации пенитенциарных учреждений ключевым аспектом выступает прямое лоббирование частными корпорациями ужесточения уголовного законодательства с целью гарантированного заполнения мощностей. Политическое решение о передаче услуг по изоляции в частные руки создает новый тип экономического субъекта – корпорацию, чья прибыль находится в прямой зависимости от численности заключенных. Контракты между штатами и компаниями традиционно содержат положения о минимальной заполняемости (обычно 90%), что означает: если государство не обеспечивает достаточное количество осужденных, оно обязано выплачивать компенсацию за пустующие места [Law-Smith, 2025]. Данная экономическая структура порождает стимул к лоббированию законов, расширяющих численность конгломерата осужденных. Анализ отчетности о политических пожертвованиях в США показывает, что частные пенитенциарные компании систематически финансируют кампании прокуроров и законодателей, выступающих за обязательные минимумы, криминализацию поведения и ужесточение условий досрочного освобождения.

Приватизация неизбежно ведет к экономии на реабилитационных программах, поскольку образование, профессиональная подготовка и психологическая помощь не генерируют прибыли, тогда как минимизация расходов на персонал максимизирует акционерную стоимость [Слабкая, 2025]. Таким образом, приватизация пенитенциарных учреждения превращает уголовную политику в рыночный механизм, где решение о лишении свободы принимается под влиянием корпоративных интересов, реализуемых посредством политических инструментов.

В рамках механизма политических кампаний «жесткой руки» ключевым аспектом выступает структурное искажение электоральных стимулов, которое систематически вознаграждает риторику суровости и наказывает любые предложения о реабилитации или альтернативных наказаниях [Dollar, Campbell, Labrecque, 2024]. Политическое решение здесь принимается не законодателем в обстановке парламентских слушаний, а кандидатом в избирательной гонке, где страх перед преступностью становится главной мобилизующей эмоцией. Социологические исследования фиксируют устойчивый феномен: в период предвыборных кампаний предложения о расширении программ общественных работ, лечении наркозависимости или восстановительном правосудии систематически маркируются оппонентами как «мягкость по отношению к преступности» – электоральный ярлык, практически гарантирующий поражение. В результате формируется «гонка суровости», где каждый кандидат стремится превзойти соперника в жесткости предлагаемых мер независимо от их эмпирической эффективности [Cochran, Mears, 2013]. Данный механизм ведет к последовательному отказу от альтернативных наказаний не потому, что они доказали свою несостоятельность, а потому, что они неконвертируемы в электоральные дивиденды. Кампании «жесткой руки» конструируют дихотомию между изоляцией и безнаказанностью, сознательно исключая из публичного дискурса весь спектр промежуточных санкций. Политическая среда воспроизводит массовое лишение свободы как функцию не криминологической необходимости, а электоральной рациональности.

В рамках исторического и географического контекста наиболее показательным выступает сравнение политической логики массовой изоляции в США и Латинской Америке, где один и тот же дискурс «жесткой руки» реализуется в различных институциональных условиях. В США, начиная с 1970-х годов, решения Никсона о войне с наркотиками и Рейгана о расширении обязательных минимумов явились ответом на запрос консервативного электората, стремившегося восстановить социальный порядок после движения за гражданские права, антивоенных протестов и расовых бунтов. Массовая изоляция здесь функционировала как инструмент управления бедными городскими сообществами. В Латинской Америке, напротив, политика «жесткой руки» в Сальвадоре и Бразилии была реакцией на реальную экспансию транснациональных преступных группировок. Однако ключевое различие заключается в том, что латиноамериканские решения принимались в условиях институциональной слабости: коррумпированные полицейские силы, перегруженные суды и отсутствие реабилитационной инфраструктуры обрекли политику «жесткой руки» на провал. В США изоляция символически легитимировалась через процессуальные процедуры, тогда как в Латинской Америке она стала причиной катастрофической переполненности мест лишения свободы. Единая идеология порождает различные траектории массового лишения свободы в зависимости от силы правовых институтов.

В рамках анализа акторов политической среды наиболее значимой представляется фигура прокурора, чья дискреционная власть систематически недооценивается в публичном дискурсе о массовой изоляции. Если законодатели принимают законы, а судьи формально их применяют, то именно прокурор выступает фильтром, решения которого на практике определяют, будет ли

деяние квалифицировано как преступление, повлечет ли оно изоляцию и какой срок будет запрошен. Политическая среда создала стимулы, при которых прокуроры избираются или назначаются по партийному принципу. Следствием стало возникновение феномена обвинительной избыточности: прокурор предъявляет максимально возможное число пунктов обвинения, многие из которых заведомо не могут быть доказаны в суде, но создают непосильное давление на обвиняемого. Последний, столкнувшись с перспективой десятков лет изоляции в случае проигрыша, вынужден соглашаться на сделку, даже если он невинен или виновен в значительно меньшем. Эмпирические исследования зафиксировали устойчивый эффект различий в сроках: обвиняемые, отказывающиеся от сделки и идущие в суд, в случае обвинительного приговора получают в среднем в 3-5 раз более длительные сроки, чем признавшие вину на досудебной стадии [Kirk, Fernandes, Friedman, 2020]. Прокурорская власть превращается в механизм производства массовой изоляции, действующий в обход судебного контроля и публичной легитимации. Политическое решение о наделении прокуратуры столь широкими полномочиями было сознательным выбором законодателя, стремившегося оптимизировать поток дел и продемонстрировать электорату эффективность карательной системы.

Заключение

Проведенный анализ позволяет утверждать, что массовое лишение свободы в англо-американской правовой традиции является не случайным побочным эффектом, а осознанным политическим процессом, формируемым совокупностью правовых, идеологических и экономических факторов. Этот феномен выполняет функции социального контроля, направленного на маргинализированные группы населения, особенно расовые и классовые меньшинства. Политическая элита, используя риторику «закона и порядка», активно способствует расширению карательной системы, превращая пенитенциарную систему в инструмент управления бедностью и неравенством. Неолиберальная политика, приватизация и лоббизм частных тюремных компаний усиливают эту тенденцию, делая массовую инкарцерацию устойчивой и самовоспроизводящейся структурой.

Сравнение политической логики массовой изоляции в США и Латинской Америке демонстрирует, что единая идеологема «жесткой руки» порождает различные траектории в зависимости от силы правовых институтов. Однако в обоих случаях массовое лишение свободы функционирует как латентная социальная политика: принимая решение о криминализации, государство одновременно принимает «нулевое решение» о деинвестировании в социальную инфраструктуру.

Библиография

1. Алферова, Е. В. Массовое лишение свободы и пожизненное заключение в США как проблема гражданского общества и реформы уголовного правосудия / Е. В. Алферова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. – 2020. – № 3. – С. 123-129.
2. Булыгин, А. В. Досудебное освобождение обвиняемых в уголовном судопроизводстве Соединенных Штатов Америки: история развития и основные принципы / А. В. Булыгин, Ю. Я. Булыгина, А. В. Бровина // Юридическая наука. – 2020. – № 11. – С. 103-107.
3. Зайченко, В. А. Альтернативные лишению свободы наказания как средство оптимизации системы уголовных наказаний в США : специальность 12.00.08 "Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право" : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Зайченко Владимир Алексеевич. – Самара, 2005. – 226 с.
4. Новиков А.В., Смирнов О.А. Подходы к оценке совокупных затрат инкарцерации // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2025. Том 15. № 12А. С. 379-388. DOI: 10.34670/AR.2026.34.57.054

5. Слабкая Д.Н. Международный опыт приватизации пенитенциарных учреждений: на примере уголовно-исполнительной политики США // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2026. Том 16. № 1-1. С. 477-483. DOI: 10.34670/AR.2026.38.81.048
6. Слабкая, Д. Н. Эволюция экономической модели пенитенциарной системы США: управление бюджетом в условиях структурной трансформации / Д. Н. Слабкая // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2025. – Т. 15, № 7-1. – С. 455-462. – DOI 10.34670/AR.2025.80.91.046. – EDN RTKOCL.
7. Смирнов О.А., Новиков А.В. Экономические анализ пенитенциарной системы в аспекте теории экстерналий: мета анализ зарубежных исследований // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2025. Том 15. № 10-1. С. 431-439. DOI: 10.34670/AR.2025.28.52.045
8. Смирнов О.А., Новиков А.В. Экономическая несостоятельность политики «трех нарушений» в пенитенциарной системе Калифорнии // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2025. Том 15. № 9-1. С. 435-442. DOI: 10.34670/AR.2025.31.55.079
9. Щитов, Н. Г. Карательная тенденция в современной пенитенциарной политике США / Н. Г. Щитов // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 3. – С. 156-165.
10. Cochran J. C., Mears D. P. Social isolation and inmate behavior: A conceptual framework for theorizing prison visitation and guiding and assessing research // Journal of Criminal Justice. – 2013. – Т. 41. – №. 4. – С. 252-261.
11. Dollar C. W. Justice Reinvestment and Mass Incarceration: A Multi-State Evaluation of Policy Reform on Prison Populations. – Washington State University, 2023.
12. Dollar C. W., Campbell C. M., Labrecque R. M. Evaluating Oregon’s Justice Reinvestment Act: An interrupted time-series regression of state-level outcomes // Crime & delinquency. – 2024. – Т. 70. – №. 2. – С. 539-572.
13. Ghazanfari H. et al. Psychological wellbeing, family cohesion, and purposeful life in male prisoners: A cross-sectional study // Frontiers in psychiatry. – 2023. – Т. 13. – С. 1054149.
14. Gottschalk M. The past, present and future of mass incarceration in the United States // Criminology & Pub. Pol’y. – 2011. – Т. 10. – С. 483.
15. Hall T. L., Wooten N. R., Lundgren L. M. Postincarceration policies and prisoner reentry: Implications for policies and programs aimed at reducing recidivism and poverty // Journal of Poverty. – 2016. – Т. 20. – №. 1. – С. 56-72.
16. Kirk G., Fernandes A., Friedman B. Who pays for the welfare state? Austerity politics and the origin of pay-to-stay fees as revenue generation // Sociological Perspectives. – 2020. – Т. 63. – №. 6. – С. 921-938.
17. Law-Smith M. Mass Incarceration and Public Authority // Law and Philosophy. – 2025. – С. 1-27.
18. Orrick E. A., Vieraitis L. M. The cost of incarceration in Texas: Estimating the benefits of reducing the prison population // American Journal of Criminal Justice. – 2015. – Т. 40. – №. 2. – С. 399-415.
19. Travis J., Western B., Redburn F. S. The growth of incarceration in the United States: Exploring causes and consequences. – 2014.
20. Woods C. S. Addressing prison overcrowding in Latin America: a comparative analysis of the necessary precursors to reform // ILSA J. Int’l & Comp. L. – 2015. – Т. 22. – С. 533.

Mass Incarceration as a Political Process in the Anglo-American Legal Tradition

Diana N. Slabkaya

Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

The paper analyzes the phenomenon of mass application of imprisonment as an institutionally formalized political technology, rather than a criminological inevitability. Mass incarceration is examined not as an accidental consequence of rising crime, but as a purposeful political phenomenon shaped and maintained by a complex of legal, institutional, and ideological factors. The initial premise of the research lies in the necessity of shifting focus from theories of individual deviation

to specific legal and organizational mechanisms that transform social inequality into legally sanctioned segregation. Key factors of mass incarceration in the Anglo-American legal tradition are examined: the practice of mandatory minimum sentences, the system of pretrial bail and the rejection of alternative preventive measures, "three strikes" laws, privatization of penitentiary institutions, and electoral "tough on crime" rhetoric. It is demonstrated that formally neutral legislative decisions in practice produce deep social stratification, where the criterion for detention is not public danger but the availability of financial resources. Special attention is devoted to the phenomenon of pretrial detention as a primary filter that effectively punishes a person before they are found guilty, as well as to a comparative analysis of "tough on crime" policies in the United States and Latin America. The main conclusion of the study is that the most effective way to reduce the scale of incarceration is not to reform the penitentiary system, but to revise the rules by which the state empowers itself to deprive of liberty for non-violent acts, insolvency, or belonging to economically vulnerable groups.

For citation

Slabkaya D.N. (2026) Massovaya inkartseratsiya kak politicheskiy protsess v anglo-amerikanskoy pravovoy traditsii [Mass Incarceration as a Political Process in the Anglo-American Legal Tradition]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii* [Theories and Problems of Political Studies], 15 (3A), pp. 53-61. DOI: 10.34670/AR.2026.83.45.011

Keywords

Mass incarceration, places of imprisonment, penitentiary system, prisoner, political economy of punishment, mandatory minimum sentences, pretrial detention, monetary bail, criminalization of poverty, privatization of penitentiary institutions, plea bargain.

References

1. Alferova, E. V. Massovoe lishenie svobody i pozhiznennoe zaklyuchenie v SShA kak problema grazhdanskogo obshchestva i reformy ugovolnogo pravosudiya / E. V. Alferova // *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 4: Gosudarstvo i pravo.* – 2020. – № 3. – S. 123-129.
2. Bulygin, A. V. Dosudebnoe osvobozhdenie obvinyaemykh v ugovolnom sudoproizvodstve Soedinennykh Shtatov Ameriki: istoriya razvitiya i osnovnye principy / A. V. Bulygin, Yu. Ya. Bulygina, A. V. Brovina // *Yuridicheskaya nauka.* – 2020. – № 11. – S. 103-107.
3. Zajchenko, V. A. Alternativnye lisheniya svobody nakazaniya kak sredstvo optimizatsii sistemy ugovolnykh nakazaniy v SShA : special'nost' 12.00.08 \ "Ugovolnoe pravo i kriminologiya; ugovolno-ispolnitel'noe pravo\ " : dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk / Zajchenko Vladimir Alekseevich. – Samara, 2005. – 226 s.
4. Novikov A.V., Smirnov O.A. Podhody k ocenke sovokupnykh zatrat inkanceratsii // *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra.* 2025. Tom 15. № 12A. S. 379-388. DOI: 10.34670/AR.2026.34.57.054
5. Slabkaya D.N. Mezhdunarodnyy opyt privatizatsii penitentsiarnykh uchrezhdenij: na primere ugovolno-ispolnitel'noj politiki SShA // *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra.* 2026. Tom 16. № 1-1. S. 477-483. DOI: 10.34670/AR.2026.38.81.048
6. Slabkaya, D. N. Evolyuciya ekonomicheskoy modeli penitentsiarnoy sistemy SShA: upravlenie byudzhetom v usloviyah strukturnoj transformatsii / D. N. Slabkaya // *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra.* – 2025. – T. 15, № 7-1. – S. 455-462. – DOI 10.34670/AR.2025.80.91.046. – EDN RTKOCL.
7. Smirnov O.A., Novikov A.V. Ekonomicheskie analiz penitentsiarnoy sistemy v aspekte teorii eksternalij: meta analiz zarubezhnykh issledovanij // *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra.* 2025. Tom 15. № 10-1. S. 431-439. DOI: 10.34670/AR.2025.28.52.045
8. Smirnov O.A., Novikov A.V. Ekonomicheskaya nesostoyatel'nost' politiki «trekh narushenij» v penitentsiarnoy sisteme Kalifornii // *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra.* 2025. Tom 15. № 9-1. S. 435-442. DOI: 10.34670/AR.2025.31.55.079
9. Shchitov, N. G. Karatel'naya tendentsiya v sovremennoj penitentsiarnoy politike SShA / N. G. Shchitov // *Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava.* – 2014. – № 3. – S. 156-165.

10. Cochran J. C., Mears D. P. Social isolation and inmate behavior: A conceptual framework for theorizing prison visitation and guiding and assessing research // *Journal of Criminal Justice*. – 2013. – T. 41. – №. 4. – S. 252-261.
11. Dollar C. W. Justice Reinvestment and Mass Incarceration: A Multi-State Evaluation of Policy Reform on Prison Populations. – Washington State University, 2023.
12. Dollar C. W., Campbell C. M., Labrecque R. M. Evaluating Oregon's Justice Reinvestment Act: An interrupted time-series regression of state-level outcomes // *Crime & delinquency*. – 2024. – T. 70. – №. 2. – S. 539-572.
13. Ghazanfari H. et al. Psychological wellbeing, family cohesion, and purposeful life in male prisoners: A cross-sectional study // *Frontiers in psychiatry*. – 2023. – T. 13. – S. 1054149.
14. Gottschalk M. The past, present and future of mass incarceration in the United States // *Criminology & Pub. Pol'y*. – 2011. – T. 10. – S. 483.
15. Hall T. L., Wooten N. R., Lundgren L. M. Postincarceration policies and prisoner reentry: Implications for policies and programs aimed at reducing recidivism and poverty // *Journal of Poverty*. – 2016. – T. 20. – №. 1. – S. 56-72.
16. Kirk G., Fernandes A., Friedman B. Who pays for the welfare state? Austerity politics and the origin of pay-to-stay fees as revenue generation // *Sociological Perspectives*. – 2020. – T. 63. – №. 6. – S. 921-938.
17. Law-Smith M. Mass Incarceration and Public Authority // *Law and Philosophy*. – 2025. – S. 1-27.
18. Orrick E. A., Vieraitis L. M. The cost of incarceration in Texas: Estimating the benefits of reducing the prison population // *American Journal of Criminal Justice*. – 2015. – T. 40. – №. 2. – S. 399-415.
19. Travis J., Western B., Redburn F. S. The growth of incarceration in the United States: Exploring causes and consequences. – 2014.
20. Woods C. S. Addressing prison overcrowding in Latin America: a comparative analysis of the necessary precursors to reform // *ILSA J. Int'l & Comp. L.* – 2015. – T. 22. – S. 533.